

Антон Павлович Чехов

Дом с мезонином - русский и английский параллельные тексты

В усадьбе помещика Белокурова проживает в праздности известный художник. Однажды он знакомится с живущим по соседству семейством Волчаниновых, в котором две дочери: старшая (Лида), серьезная и строгая девушка с убеждениями, которая пытается помочь простым людям и не очень любит художника за его праздность, и младшая (Женя, или Мисюсь)...

THE HOUSE WITH THE MEZZANINE	Антон Павлович Чехов
(A PAINTER'S STORY)	Дом с мезонином (Рассказ художни- ка)
1	I
It happened nigh on seven years ago, when I was living in one of the districts of the J. province, on the estate of Bielokurov, a landowner, a young man who used to get up early, dress himself in a long overcoat, drink beer in the evenings, and all the while complain to me that he could nowhere find any one in sympathy with his ideas.	Это было 6 - 7 лет тому назад, когда я жил в одном из уездов Т-ой губернии, в имении помещика Белокурова, молодого человека, который вставал очень рано, ходил в поддевке, по вечерам пил пиво и всё жаловался мне, что он нигде и ни в ком не встречает сочувствия.

He lived in a little house in the orchard, and I lived in the old manor-house, in a huge pillared hall where there was no furniture except a large divan, on which I slept, and a table at which I used to play patience.

Он жил в саду во флигеле, а я в старом барском доме, в громадной зале с колоннами, где не было никакой мебели, кроме широкого дивана, на котором я спал, да еще стола, на котором я раскладывал пасьянс.

Even in calm weather there was always a moaning in the chimney, and in a storm the whole house would rock and seem as though it must split, and it was quite terrifying, especially at night, when all the ten great windows were suddenly lit up by a flash of lightning.

Тут всегда, даже в тихую погоду, что-то гудело в старых амосовских печах, а во время грозы весь дом дрожал и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда все десять больших окон вдруг освещались молнией.

Doomed by fate to permanent idleness, I did positively nothing.

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не делал решительно ничего.

For hours together I would sit and look through the windows at the sky, the birds, the trees and read my letters over and over again, and then for hours together I would sleep.

По целым часам я смотрел в свои окна на небо, на птиц, на аллеи, читал всё, что привозили мне с почты, спал.

Sometimes I would go out and wander aimlessly until evening.

Иногда я уходил из дому и до позднего вечера бродил где-нибудь.

Once on my way home I came unexpectedly on a strange farmhouse.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрел в какую-то незнакомую усадьбу.

The sun was already setting, and the lengthening shadows were thrown over the ripening corn.

Солнце уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние тени.

Two rows of closely planted tall fir-trees stood like two thick walls, forming a sombre, magnificent avenue.

Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею.

I climbed the fence and walked up the avenue, slipping on the fir needles which lay two inches thick on the ground.

Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю.

It was still, dark, and only here and there in the tops of the trees shimmered a bright gold light casting the colours of the rainbow on a spider's web.

Было тихо, темно, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой свет и переливал радугой в сетях паука.

The smell of the firs was almost suffocating.

Сильно, до духоты пахло хвоей.

Then I turned into an avenue of limes.

Потом я повернул на длинную липовую аллею.

And here too were
desolation and decay;
the dead leaves rustled
mournfully beneath
my feet, and there
were lurking shadows
among the trees.

И тут тоже запусте-
ние и старость; про-
шлогодня листва
печально шелестела
под ногами, и в су-
мерках между дере-
вьями прятались те-
ни.

To the right, in an old
orchard, a
goldhammer sang a
faint reluctant song,
and he too must have
been old.

Направо, в старом
фруктовом саду,
нехотя, слабым голо-
сом пела иволга,
должно быть, тоже
старушка.

The lime-trees soon came to an end and I came to a white house with a terrace and a mezzanine, and suddenly a vista opened upon a farmyard with a pond and a bathing-shed, and a row of green willows, with a village beyond, and above it stood a tall, slender belfry, on which glowed a cross catching the light of the setting sun.

For a moment I was possessed with a sense of enchantment, intimate, particular, as though I had seen the scene before in my childhood.

Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно развернулся вид на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой горел крест, отражая в себе заходившее солнце.

На миг на меня повеяло очарованием чего-то родного, очень знакомого, будто я уже видел эту самую панораму когда-то в детстве.

By the white-stone gate surmounted with stone lions, which led from the yard into the field, stood two girls.

А у белых каменных ворот, которые вели со двора в поле, у старинных крепких ворот со львами, стояли две девушки.

One of them, the elder, thin, pale, very handsome, with masses of chestnut hair and a little stubborn mouth, looked rather prim and scarcely glanced at me; the other, who was quite young--seventeen or eighteen, no more, also thin and pale, with a big mouth and big eyes, looked at me in surprise, as I passed, said something in English and looked confused, and it seemed to me that I had always known their dear faces.

And I returned home feeling as though I had awoke from a pleasant dream.

Одна из них, постарше, тонкая, бледная, очень красивая, с целой копной каштановых волос на голове, с маленьким упрямым ртом, имела строгое выражение и на меня едва обратила внимание; другая же, совсем еще молоденькая - ей было 17-18 лет, не больше - тоже тонкая и бледная, с большим ртом и с большими глазами, с удивлением посмотрела на меня, когда я проходил мимо, сказала что-то по-английски и сконфузилась, и мне показалось, что и эти два милых лица мне давно уже знакомы.

И я вернулся домой с таким чувством, как будто видел хороший сон.

Soon after that, one afternoon, when Bielokurov and I were walking near the house, suddenly there came into the yard a spring-carriage in which sat one of the two girls, the elder.

Вскоре после этого, как-то в полдень, когда я и Белокуров гуляли около дома, неожиданно, шурша по траве, въехала во двор рессорная коляска, в которой сидела одна из тех девушек. Это была старшая.

She had come to ask for subscriptions to a fund for those who had suffered in a recent fire.

Она приехала с подписным листом просить на погорельцев.

Without looking at us, she told us very seriously how many houses had been burned down in Sianov, how many men, women, and children had been left without shelter, and what had been done by the committee of which she was a member.

She gave us the list for us to write our names, put it away, and began to say good-bye.

Не глядя на нас, она очень серьезно и обстоятельно рассказала нам, сколько сгорело домов в селе Сянове, сколько мужчин, женщин и детей осталось без крова и что намерен предпринять на первых порах погорельческий комитет, членом которого она теперь была.

Давши нам подписаться, она спрятала лист и тотчас же стала прощаться.

"You have completely forgotten us, Piotr Petrovich," she said to Bielokurov, as she gave him her hand.

"Come and see us, and if Mr. N. (she said my name) would like to see how the admirers of his talent live and would care to come and see us, then mother and I would be very pleased."

- Вы совсем забыли нас, Петр Петрович, - сказала она Белокурову, подавая ему руку. - Приезжайте, и если monsieur N. (она назвала мою фамилию) захочет взглянуть, как живут почитатели его таланта, и пожалует к нам, то мама и я будем очень рады.

I bowed.

When she had gone Piotr Petrovich began to tell me about her.

Я поклонился.

Когда она уехала, Петр Петрович стал рассказывать.

The girl, he said, was of a good family and her name was Lydia Volchaninov, and the estate, on which she lived with her mother and sister, was called, like the village on the other side of the pond, Sholkovka.

Эта девушка, по его словам, была из хорошей семьи и звали ее Лидией Волчаниновой, а имение, в котором она жила с матерью и сестрой, так же, как и село на другом берегу пруда, называлось Шелковкой.

Her father had once occupied an eminent position in Moscow and died a privy councillor.

Отец ее когда-то занимал видное место в Москве и умер в чине тайного советника.

Notwithstanding their large means, the Volchaninovs always lived in the village, summer and winter, and Lydia was a teacher in the Zemstvo School at Sholkovka and earned twenty-five roubles a month.

Несмотря на хорошие средства, Волчаниновы жили в деревне безвыездно, лето и зиму, и Лидия была учительницей в земской школе у себя в Шелковке и получала 25 рублей в месяц.

She only spent what she earned on herself and was proud of her independence.	Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живет на собственный счет.
"They are an interesting family," said Bielokurov. "We ought to go and see them.	- Интересная семья, - сказал Белокуров. - Пожалуй, сходим к ним как-нибудь.
They will be very glad to see you."	Они будут вам очень рады.
One afternoon, during a holiday, we remembered the Volchaninovs and went over to Sholkovka.	Как-то после обеда, в один из праздников, мы вспомнили про Волчаниновых и отправились к ним в Шелковку.
They were all at home.	Они, мать и обе дочери, были дома.

The mother, Ekaterina Pavlovna, had obviously once been handsome, but now she was stouter than her age warranted, suffered from asthma, was melancholy and absent-minded as she tried to entertain me with talk about painting.

Мать, Екатерина Павловна, когда-то, по-видимому, красивая, теперь же сырая не по летам, больная одышкой, грустная, рассеянная, старалась занять меня разговором о живописи.

When she heard from her daughter that I might perhaps come over to Sholkovka, she hurriedly called to mind a few of my landscapes which she had seen in exhibitions in Moscow, and now she asked what I had tried to express in them.

Узнав от дочери, что я, быть может, приеду в Шелковку, она торопливо припомнила два-три моих пейзажа, какие видела на выставках в Москве, и теперь спрашивала, что я хотел в них выразить.

Lydia, or as she was called at home, Lyda, talked more to Bielokurov than to me.

Лидия, или, как ее звали дома, Лида, говорила больше с Белокуровым, чем со мной.

Seriously and without a smile, she asked him why he did not work for the Zemstvo and why up till now he had never been to a Zemstvo meeting.

Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала его, почему он не служит в земстве и почему до сих пор не был ни на одном земском собрании

"It is not right of you, Piotr Petrovich," she said reproachfully. "It is not right.

- Не хорошо, Петр Петрович, - говорила она укоризненно. - Не хорошо.

It is a shame."

Стыдно.

"True, Lyda, true," said her mother. "It is not right."

- Правда, Лида, правда, - соглашалась мать. - Не хорошо.

"All our district is in Balaguin's hands," Lyda went on, turning to me. "He is the chairman of the council and all the jobs in the district are given to his nephews and brothers-in-law, and he does exactly as he likes.

- Весь наш уезд находится в руках Балагина, - продолжала Лида, обращаясь ко мне. - Сам он председатель управы, и все должности в уезде роздал своим племянникам и зятьям и делает, что хочет.

We ought to fight him.	Надо бороться.
The young people ought to form a strong party; but you see what our young men are like.	Молодежь должна составить из себя сильную партию, но вы видите, какая у нас молодежь.
It is a shame, Piotr Petrovich."	Стыдно, Петр Петрович!
The younger sister, Genya, was silent during the conversation about the Zemstvo.	Младшая сестра, Женя, пока говорили о земстве, молчала.
She did not take part in serious conversations, for by the family she was not considered grown-up, and they gave her her baby-name, Missyuss, because as a child she used to call her English governess that.	Она не принимала участия в серьезных разговорах, ее в семье еще не считали взрослой и, как маленькую, называли Мисюсь, потому что в детстве она называла так мисс, свою гувернантку.

All the time she examined me curiously and when I looked at the photograph-album she explained:

Всё время она смотрела на меня с любопытством и, когда я осматривал в альбоме фотографии, объясняла мне:

"This is my uncle.... That is my godfather," and fingered the portraits, and at the same time touched me with her shoulder in a childlike way, and I could see her small, undeveloped bosom, her thin shoulders, her long, slim waist tightly drawn in by a belt.

"Это дядя... Это крёстный папа", и водила пальчиком по портретам, и в это время по-детски касалась меня своим плечом, и я близко видел ее слабую, неразвитую грудь, тонкие плечи, косу и худенькое тело, туго стянутое поясом.

We played croquet and lawn-tennis, walked in the garden, had tea, and then a large supper.

Мы играли в крокет и lawn-tennis, гуляли по саду, пили чай, потом долго ужинали.

After the huge pillared hall, I felt out of tune in the small cosy house, where there were no oleographs on the walls and the servants were treated considerately, and everything seemed to me young and pure, through the presence of Lyda and Missyuss, and everything was decent and orderly.

После громадной пустой залы с колоннами мне было как-то по себе в этом небольшом уютном доме, в котором не было на стенах олеографий и прислуге говорили вы, и всё мне казалось молодым и чистым, благодаря присутствию Лиды и Мисюсь, и всё дышало порядочностью.

At supper Lyda again talked to Bielokurov about the Zemstvo, about Balaguin, about school libraries.

За ужином Лида опять говорила с Белокуровым о земстве, о Балагине, о школьных библиотеках.

She was a lively, sincere, serious girl, and it was interesting to listen to her, though she spoke at length and in a loud voice--perhaps because she was used to holding forth at school.

Это была живая, искренняя, убежденная девушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко - быть может оттого, что привыкла говорить в школе.

On the other hand, Piotr Petrovich, who from his university days had retained the habit of reducing any conversation to a discussion, spoke tediously, slowly, and deliberately, with an obvious desire to be taken for a clever and progressive man.

Зато мой Петр Петрович, у которого еще со студенчества осталась манера всякий разговор сводить на спор, говорил скучно, вяло и длинно, с явным желанием казаться умным и передовым человеком.

He gesticulated and upset the sauce with his sleeve and it made a large pool on the table-cloth, though nobody but myself seemed to notice it.

Жестикулируя, он опрокинул рукавом соусник, и на скатерти образовалась большая лужа, но, кроме меня, казалось, никто не заметил этого.

When we returned home the night was dark and still.

Когда мы возвращались домой, было темно и тихо.

"I call it good breeding," said Bielokurov, with a sigh, "not so much not to upset the sauce on the table, as not to notice it when some one else has done it. Yes. An admirable intellectual family.

- Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь другой, - сказал Белокуров и вздохнул. - Да, прекрасная, интеллигентная семья.

I'm rather out of touch with nice people. Ah! terribly.

Отстал я от хороших людей, ах как отстал!

And all through business, business, business!"

А всё дела, дела! Дела!

He went on to say what hard work being a good farmer meant.

Он говорил о том, как много приходится работать, когда хочешь стать образцовым сельским хозяином.

And I thought: What a stupid, lazy lout!

А я думал: какой это тяжелый и ленивый малый!

When we talked seriously he would drag it out with his awful drawl--er, er, er--and he works just as he talks--slowly, always behindhand, never up to time; and as for his being businesslike, I don't believe it, for he often keeps letters given him to post for weeks in his pocket.

Он, когда говорил о чем-нибудь серьезно, то с напряжением тянул "э-э-э-э", и работал так же, как говорил, - медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. В его деловитость я плохо верил уже потому, что письма, которые я поручал ему отправлять на почту, он по целым неделям таскал у себя в кармане.

"The worst of it is," he murmured as he walked along by my side, "the worst of it is that you go working away and never get any sympathy from anybody."

- Тяжелее всего, - бормотал он, идя рядом со мной, - тяжелее всего, что работаешь и ни в ком не встречаешь сочувствия. Никакого сочувствия!

I began to frequent the Volchaninovs' house.

Я стал бывать у Волчаниновых.

Usually I sat on the bottom step of the veranda. I was filled with dissatisfaction, vague discontent with my life, which had passed so quickly and uninterestingly, and I thought all the while how good it would be to tear out of my breast my heart which had grown so weary.

Обыкновенно я сидел на нижней ступени террасы; меня томило недовольство собой, было жаль своей жизни, которая протекала так быстро и неинтересно, и я всё думал о том, как хорошо было бы вырвать из своей груди сердце, которое стало у меня таким тяжелым.

There would be talk going on on the terrace, the rustling of dresses, the fluttering of the pages of a book.

А в это время на террасе говорили, слышался шорох платьев, перелистывали книгу.

I soon got used to Lyda receiving the sick all day long, and distributing books, and I used often to go with her to the village, bareheaded, under an umbrella. And in the evening she would hold forth about the Zemstvo and schools.

Я скоро привык к тому, что днем Лида принимала больных, раздавала книжки и часто уходила в деревню с непокрытой головой, под зонтиком, а вечером громко говорила о земстве, о школах.

She was very handsome, subtle, correct, and her lips were thin and sensitive, and whenever a serious conversation started she would say to me drily:

Эта тонкая, красивая, неизменно строгая девушка с маленьким, изящно очерченным ртом, всякий раз, когда начинался деловой разговор, говорила мне сухо:

"This won't interest you."

- Это для вас не интересно.

I was not sympathetic to her.

Я был ей не симпатичен.

She did not like me because I was a landscape-painter, and in my pictures did not paint the suffering of the masses, and I seemed to her indifferent to what she believed in.

Она не любила меня за то, что я пейзажист и в своих картинах не изображаю народных нужд и что я, как ей казалось, был равнодушен к тому, во что она так крепко верила.

I remember once driving along the shore of the Baikal and I met a Bouryat girl, in shirt and trousers of Chinese cotton, on horseback: I asked her if she would sell me her pipe and, while we were talking, she looked with scorn at my European face and hat, and in a moment she got bored with talking to me, whooped and galloped away.

Помнится, когда я ехал по берегу Байкала, мне встретилась девушка бурятка, в рубашке и в штанах из синей дабы, верхом на лошади; я спросил у нее, не продаст ли она мне свою трубку, и, пока мы говорили, она с презрением смотрела на мое европейское лицо и на мою шляпу, и в одну минуту ей надоело говорить со мной, она гикнула и поскакала прочь.

And in exactly the same way Lyda despised me as a stranger.

И Лида точно так же презирала во мне чужого.

Outwardly she never showed her dislike of me, but I felt it, and, as I sat on the bottom step of the terrace, I had a certain irritation and said that treating the peasants without being a doctor meant deceiving them, and that it is easy to be a benefactor when one owns four thousand acres.

Внешним образом она никак не выражала своего нерасположения ко мне, но я чувствовал его и, сидя на нижней ступени террасы, испытывал раздражение и говорил, что лечить мужиков, не будучи врачом, значит обманывать их и что легко быть благодетелем, когда имеешь две тысячи десятин.

Her sister, Missyuss, had no such cares and spent her time in complete idleness, like myself.

А ее сестра, Мисюсь, не имела никаких забот и проводила свою жизнь в полной праздности, как я.

As soon as she got up in the morning she would take a book and read it on the terrace, sitting far back in a lounge chair so that her feet hardly touched the ground, or she would hide herself with her book in the lime-walk, or she would go through the gate into the field.

Вставши утром, она тотчас же бралась за книгу и читала, сидя на террасе в глубоком кресле, так что ножки ее едва касались земли, или пряталась с книгой в липовой аллее, или шла за ворота в поле.

She would read all day long, eagerly poring over the book, and only through her looking fatigued, dizzy, and pale sometimes, was it possible to guess how much her reading exhausted her.

Она читала целый день, с жадностью глядя в книгу, и только потому, что взгляд ее иногда становился усталым, ошеломленным и лицо сильно бледнело, можно было догадаться, как это чтение утомляло ее **МОЗГ.**

When she saw me come she would blush a little and leave her book, and, looking into my face with her big eyes, she would tell me of things that had happened, how the chimney in the servants' room had caught fire, or how the labourer had caught a large fish in the pond.

On week-days she usually wore a bright-coloured blouse and a dark-blue skirt.

We used to go out together and pluck cherries for jam, in the boat, and when she jumped to reach a cherry, or pulled the oars, her thin, round arms would shine through her wide sleeves.

Когда я приходил, она, увидев меня, слегка краснела, оставляла книгу и с оживлением, глядя мне в лицо своими большими глазами, рассказывала о том, что случилось, например, о том, что в людской загорелась сажа, или что работник поймал в пруде большую рыбу.

В будни она ходила обыкновенно в светлой рубашечке и в темно-синей юбке.

Мы гуляли вместе, рвали вишни для варенья, катались в лодке, и, когда она прыгала, чтобы достать вишню или работала веслами, сквозь широкие рукава просвечивали ее тонкие, слабые руки.

Or I would make a sketch and she would stand and watch me breathlessly.

Или я писал этюд, а она стояла возле и смотрела с восхищением.

One Sunday, at the end of June, I went over to the Volchaninovs in the morning about nine o'clock.

В одно из воскресений, в конце июля, я пришел к Волчаниновым утром, часов в девять.

I walked through the park, avoiding the house, looking for mushrooms, which were very plentiful that summer, and marking them so as to pick them later with Genya.

Я ходил по парку, держась подальше от дома, и отыскивал белые грибы, которых в то лето было очень много, и ставил около них метки, чтобы потом подобрать их вместе с Женей.

A warm wind was blowing.

Дул теплый ветер.

I met Genya and her mother, both in bright Sunday dresses, going home from church, and Genya was holding her hat against the wind.

Я видел, как Женя и ее мать, обе в светлых праздничных платьях, прошли из церкви домой, и Женя придерживала от ветра шляпу.

They told me they were going to have tea on the terrace.

Потом я слышал, как на террасе пили чай.

As a man without a care in the world, seeking somehow to justify his constant idleness, I have always found such festive mornings in a country house universally attractive.

Для меня, человека беззаботного, ищущего оправдания для своей постоянной праздности, эти летние праздничные утра в наших усадьбах всегда были необыкновенно привлекательны.

When the green garden, still moist with dew, shines in the sun and seems happy, and when the terrace smells of mignonette and oleander, and the young people have just returned from church and drink tea in the garden, and when they are all so gaily dressed and so merry, and when you know that all these healthy, satisfied, beautiful people will do nothing all day long, then you long for all life to be like that.

So I thought then as I walked through the garden, quite prepared to drift like that without occupation or purpose, all through the day, all through the summer.

Когда зеленый сад, еще влажный от росы, весь сияет от солнца и кажется счастливым, когда около дома пахнет резедой и олеандром, молодежь только что вернулась из церкви и пьет чай в саду, и когда все так мило одеты и веселы, и когда знаешь, что все эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будут делать, то хочется, чтобы вся жизнь была такою.

И теперь я думал то же самое и ходил по саду, готовый ходить так без дела и без цели весь день, все лето.

Genya carried a basket and she looked as though she knew that she would find me there.

Пришла Женя с корзиной; у нее было такое выражение, как будто она знала или предчувствовала, что найдет меня в саду.

We gathered mushrooms and talked, and whenever she asked me a question she stood in front of me to see my face.

Мы подбирали грибы и говорили, и когда она спрашивала о чем-нибудь, то заходила вперед, чтобы видеть мое лицо.

"Yesterday," she said, "a miracle happened in our village. Pelagueya, the cripple, has been ill for a whole year, and no doctors or medicines were any good, but yesterday an old woman muttered over her and she got better."

- Вчера у нас в деревне произошло чудо, - сказала она. - Хромая Пелагея была больна целый год, никакие доктора и лекарства не помогали, а вчера старуха пошептала и прошло.

"That's nothing," I said. "One should not go to sick people and old women for miracles.	- Это не важно, - сказал я. - Не следует искать чудес только около больных и старух.
Is not health a miracle?	Разве здоровье не чудо?
And life itself?	А сама жизнь?
A miracle is something incomprehensible."	Что не понятно, то и есть чудо.
"And you are not afraid of the incomprehensible?"	- А вам не страшно то, что не понятно?
"No.	- Нет.
I like to face things I do not understand and I do not submit to them.	К явлениям, которых я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь им.
I am superior to them.	Я выше их.

Man must think himself higher than lions, tigers, stars, higher than anything in nature, even higher than that which seems incomprehensible and miraculous. Otherwise he is not a man, but a mouse which is afraid of everything."

Человек должен считать себя выше львов, тигров, звезд, выше всего в природе, даже выше того, что непонятно и кажется чудесным, иначе он не человек, а мышь, которая всего боится.

Genya thought that I, as an artist, knew a great deal and could guess what I did not know.

Женя думала, что я, как художник, знаю очень многое и могу верно угадывать то, чего не знаю.

She wanted me to lead her into the region of the eternal and the beautiful, into the highest world, with which, as she thought, I was perfectly familiar, and she talked to me of God, of eternal life, of the miraculous.

Ей хотелось, чтобы я ввел ее в область вечного и прекрасного, в этот высший свет, в котором, по ее мнению, я был своим человеком, и она говорила со мной о боге, о вечной жизни, о чудесном.

And I, who did not admit that I and my imagination would perish for ever, would reply: "Yes. Men are immortal. Yes, eternal life awaits us."

И я, не допуская, что я и мое воображение после смерти погибнем навеки, отвечал: "да, люди бессмертны", "да, нас ожидает вечная жизнь".

And she would listen and believe me and never asked for proof.

А она слушала, верила и не требовала доказательств.

As we approached the house she suddenly stopped and said:

Когда мы шли к дому, она вдруг остановилась и сказала:

"Our Lyda is a remarkable person, isn't she?"

- Наша Лида замечательный человек. Не правда ли?

I love her dearly and would gladly sacrifice my life for her at any time.

Я ее горячо люблю и могла бы каждую минуту пожертвовать для нее жизнью.

But tell me"--Genya touched my sleeve with her finger--"but tell me, why do you argue with her all the time?"

Но скажите, - Женя дотронулась до моего рукава пальцем, - скажите, почему вы с ней всё спорите?

Why are you so irritated?"

Почему вы раздражены?

"Because she is not right."

- Потому что она неправа.

Genya shook her head and tears came to her eyes.

Женя отрицательно покачала головой, и слезы показались у нее на глазах.

"How incomprehensible!" she muttered.

- Как это непонятно! - проговорила она.

At that moment Lyda came out, and she stood by the balcony with a riding-whip in her hand, and looked very fine and pretty in the sunlight as she gave some orders to a farm-hand.

В это время Лида только что вернулась откуда-то и, стоя около крыльца с хлыстом в руках, стройная, красивая, освещенная солнцем, приказывала что-то работнику.

Bustling about and talking loudly, she tended two or three of her patients, and then with a businesslike, preoccupied look she walked through the house, opening one cupboard after another, and at last went off to the attic; it took some time to find her for dinner and she did not come until we had finished the soup.

Торопясь и громко разговаривая, она приняла двух-трех больных, потом с деловым, озабоченным видом ходила по комнатам, открывая то один шкаф, то другой, уходила в мезонин; ее долго искали и звали обедать, и пришла она, когда мы уже съели суп.

Somehow I remember all these, little details and love to dwell on them, and I remember the whole of that day vividly, though nothing particular happened.

Все эти мелкие подробности я почему-то помню и люблю, и весь этот день живо помню, хотя не произошло ничего особенного.

After dinner Genya read, lying in her lounge chair, and I sat on the bottom step of the terrace.

После обеда Женя читала, лежа в глубоком кресле, а я сидел на нижней ступени террасы.

We were silent.

Мы молчали.

The sky was overcast and a thin fine rain began to fall.

Всё небо заволокло облаками, и стал накрапывать редкий, мелкий дождь.

It was hot, the wind had dropped, and it seemed the day would never end.

Было жарко, ветер давно уже стих, и казалось, что этот день никогда не кончится.

Ekaterina Pavlovna came out on to the terrace with a fan, looking very sleepy.

К нам на террасу вышла Екатерина Павловна, заспанная, с веером.

"O, mamma," said Genya, kissing her hand. "It is not good for you to sleep during the day."

- О, мама, - сказала Женя, целуя у нее руку, - тебе вредно спать днем.

They adored each other.

Они обожали друг друга.

When one went into the garden, the other would stand on the terrace and look at the trees and call: "Hello!" "Genya!" or "Mamma, dear, where are you?"

Когда одна уходила в сад, то другая уже стояла на террасе и, глядя на деревья, окликала: "ау, Женя!" или: "мамочка, где ты?"

They always prayed together and shared the same faith, and they understood each other very well, even when they were silent.

Они всегда вместе молились и обе одинаково верили, и хорошо понимали друг друга, даже когда молчали.

And they treated other people in exactly the same way.

И к людям они относились одинаково.

Ekaterina Pavlovna also soon got used to me and became attached to me, and when I did not turn up for a few days she would send to inquire if I was well.

Екатерина Павловна также скоро привыкла и привязалась ко мне, и когда я не появлялся два-три дня, присылала узнать, здоров ли я.

And she too used to look admiringly at my sketches, and with the same frank loquacity she would tell me things that happened, and she would confide her domestic secrets to me.

На мои этюды она смотрела тоже с восхищением, и с такою же болтливостью и так же откровенно, как Мисюсь, рассказывала мне, что случилось, и часто поверяла мне свои домашние тайны.

She revered her elder daughter.	Она благоговела перед своей старшей дочерью.
Lyda never came to her for caresses, and only talked about serious things: she went her own way and to her mother and sister she was as sacred and enigmatic as the admiral, sitting in his cabin, to his sailors.	Лида никогда не ласкалась, говорила только о серьезном; она жила своею особенною жизнью и для матери и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, как для матросов адмирал, который всё сидит у себя в каюте.
"Our Lyda is a remarkable person," her mother would often say; "isn't she?"	- Наша Лида замечательный человек, - говорила часто мать. - Не правда ли?
And, now, as the soft rain fell, we spoke of Lyda:	И теперь, пока накрапывал дождь, мы говорили о Лиде.

"She is a remarkable woman," said her mother, and added in a low voice like a conspirator's as she looked round, "such as she have to be looked for with a lamp in broad daylight, though you know, I am beginning to be anxious.

- Она замечательный человек, - сказала мать и прибавила вполголоса тоном заговорщицы, испуганно оглядываясь: - Таких днем с огнем поискать, хотя, знаете ли, я начинаю немножко беспокоиться.

The school, pharmacies, books--all very well, but why go to such extremes?

Школа, аптечки, книжки - всё это хорошо, но зачем крайности?

She is twenty-three and it is time for her to think seriously about herself.

Ведь ей уже двадцать четвертый год, пора о себе серьезно подумать.

If she goes on with her books and her pharmacies she won't know how life has passed.... She ought to marry."

Этак за книжками и аптечками и не увидишь, как жизнь пройдет... Замуж нужно.

Genya, pale with reading, and with her hair ruffled, looked up and said, as if to herself, as she glanced at her mother:	Женя, бледная от чтения, с помятою прической, приподняла голову и сказала как бы про себя, глядя на мать:
"Mamma, dear, everything depends on the will of God."	- Мамочка, всё зависит от воли божией!
And once more she plunged into her book.	И опять погрузилась в чтение.
Bielokurov came over in a poddiotka, wearing an embroidered shirt.	Пришел Белокуров в поддевке и в вышитой сорочке.
We played croquet and lawn-tennis, and when it grew dark we had a long supper, and Lyda once more spoke of her schools and Balaguin, who had got the whole district into his own hands.	Мы играли в крокет и lawn-tennis, потом, когда потемнело, долго ужинали, и Лида опять говорила о школах и о Балагине, который забрал в свои руки весь уезд.

As I left the Volchaninovs that night I carried away an impression of a long, long idle day, with a sad consciousness that everything ends, however long it may be.

Уходя в этот вечер от Волчаниновых, я уносил впечатление длинного-длинного, праздного дня, с грустным сознанием, что всё кончается на этом свете, как бы ни было длинно.

Genya took me to the gate, and perhaps, because she had spent the whole day with me from the beginning to end, I felt somehow lonely without her, and the whole kindly family was dear to me: and for the first time during the whole of that summer I had a desire to work.

Нас до ворот провожала Женя, и оттого, быть может, что она провела со мной весь день от утра до вечера, я почувствовал, что без нее мне как будто скучно и что вся эта милая семья близка мне; и в первый раз за всё лето мне захотелось писать.

"Tell me why you lead such a monotonous life," I asked Bielokurov, as we went home. "My life is tedious, dull, monotonous, because I am a painter, a queer fish, and have been worried all my life with envy, discontent, disbelief in my work: I am always poor, I am a vagabond, but you are a wealthy, normal man, a landowner, a gentleman--why do you live so tamely and take so little from life?"

- Скажите, отчего вы живете так скучно, так не колоритно? - спросил я у Белокурова, идя с ним домой. - Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художник, я странный человек, я издерган с юных дней завистью, недовольством собой, неверием в свое дело, я всегда беден, я бродяга, но вы-то, вы, здоровый, нормальный человек, помещик, барин, - отчего вы живете так неинтересно, так мало берете от жизни?"

Why, for instance, haven't you fallen in love with Lyda or Genya?"

Отчего, например, вы до сих пор не влюбились в Лиду или Женю?

"You forget that I love another woman," answered Bielokurov.

- Вы забываете, что я люблю другую женщину, - ответил Белокуров.

He meant his mistress, Lyabor Ivanovna, who lived with him in the orchard house.

Это он говорил про свою подругу, Любовь Ивановну, жившую с ним вместе во флигеле.

I used to see the lady every day, very stout, podgy, pompous, like a fatted goose, walking in the garden in a Russian head-dress, always with a sunshade, and the servants used to call her to meals or tea.

Я каждый день видел, как эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, в русском костюме с бусами, всегда под зонтиком, и прислуга то и дело звала ее то кушать, то чай пить.

Three years ago she rented a part of his house for the summer, and stayed on to live with Bielokurov, apparently for ever.

Года три назад она наняла один из флигелей под дачу, да так и осталась жить у Белокурова, по-видимому, навсегда.

She was ten years older than he and managed him very strictly, so that he had to ask her permission to go out.

Она была старше его лет на десять и управляла им строго, так что, отлучаясь из дому, он должен был спрашивать у нее позволения.

She would often sob and make horrible noises like a man with a cold, and then I used to send and tell her that I'm if she did not stop I would go away. Then she would stop.

Она часто рыдала мужским голосом, и тогда я посылал сказать ей, что если она не перестанет, то я съеду с квартиры; и она переставала.

When we reached home, Bielokurov sat down on the divan and frowned and brooded, and I began to pace up and down the hall, feeling a sweet stirring in me, exactly like the stirring of love.

Когда мы пришли домой, Белокуров сел на диван и нахмурился в раздумье, а я стал ходить по зале, испытывая тихое волнение, точно влюбленный.

I wanted to talk about the Volchaninovs.

Мне хотелось говорить про Волчаниновых.

"Lyda could only fall in love with a Zemstvo worker like herself, some one who is run off his legs with hospitals and schools," I said. "For the sake of a girl like that a man might not only become a Zemstvo worker, but might even become worn out, like the tale of the iron boots.

- Лида может полюбить только земца, увлеченного так же, как она, больницами и школами, - сказал я. - О, ради такой девушки можно не только стать земцем, но даже истаскать, как в сказке, железные башмаки.

And Missyuss?

А Мисюсь?

How charming Missyuss is!"

Какая прелесть эта Мисюсь!

Bielokurov began to talk at length and with his drawling er-er-ers of the disease of the century--pessimism.

Белокуров длинно, растягивая "э-э-э-э...", заговорил о болезни века - пессимизме.

He spoke confidently and argumentatively.

Говорил он уверенно и таким тоном, как будто я спорил с НИМ.

Hundreds of miles of deserted, monotonous, blackened steppe could not so forcibly depress the mind as a man like that, sitting and talking and showing no signs of going away.	Сотни верст пустынной, однообразной, выгоревшей степи не могут нагнать такого уныния, как один человек, когда он сидит, говорит и неизвестно, когда он уйдет.
"The point is neither pessimism nor optimism," I said irritably, "but that ninety-nine out of a hundred have no sense."	- Дело не в пессимизме и не в оптимизме, - сказал я раздраженно, - а в том, что у девяноста девяти из ста нет ума.
Bielokurov took this to mean himself, was offended, and went away.	Белокуров принял это на свой счет, обиделся и ушел.
III	III

"The Prince is on a visit to Malozyomov and sends you his regards," said Lyda to her mother, as she came in and took off her gloves. "He told me many interesting things. He promised to bring forward in the Zemstvo Council the question of a medical station at Malozyomov, but he says there is little hope." And turning to me, she said: "Forgive me, I keep forgetting that you are not interested."

- В Малозёмове го-
стит князь, тебе кла-
няется, -говорила Ли-
да матери, вернув-
шись откуда-то и
снимая перчатки. -
Рассказывал много
интересного... Обе-
щал опять поднять в
губернском собра-
нии вопрос о меди-
цинском пункте в
Малозёмове, но гово-
рит: мало надежды. -
И обратясь ко мне,
она сказала: -Изви-
ните, я всё забываю,
что для вас это не мо-
жет быть интересно.

I felt irritated.

Я почувствовал раз-
дражение.

"Why not?" I asked and shrugged my shoulders. "You don't care about my opinion, but I assure you, the question greatly interests me."

- Почему же не интересно? - спросил я и пожал плечами. - Вам не угодно знать мое мнение, но уверяю вас, этот вопрос меня живо интересует.

"Yes?"

-Да?

"In my opinion there is absolutely no need for a medical station at Malozyomov."

- Да. По моему мнению, медицинский пункт в Малозёмове вовсе не нужен.

My irritation affected her: she gave a glance at me, half closed her eyes and said:

Мое раздражение передалось и ей; она посмотрела на меня, прищуриив глаза, и спросила:

"What is wanted then?"

- Что же нужно?

Landscapes?"

Пейзажи?

"Not landscapes either."

- И пейзажи не нужны.

Nothing is wanted there."

Ничего там не нужно.

She finished taking off her gloves and took up a newspaper which had just come by post; a moment later, she said quietly, apparently controlling herself:

Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только что привезли с почты; через минуту она сказала тихо, очевидно, сдерживая себя:

"Last week Anna died in childbirth, and if a medical man had been available she would have lived.

- На прошлой неделе умерла от родов Анна, а если бы поблизости был медицинский пункт, то она осталась бы жива.

However, I suppose landscape-painters are entitled to their opinions."

И господа пейзажисты, мне кажется, должны бы иметь какие-нибудь убеждения на этот счет.

"I have a very definite opinion, I assure you," said I, and she took refuge behind the newspaper, as though she did not wish to listen. "In my opinion medical stations, schools, libraries, pharmacies, under existing conditions, only lead to slavery.

- Я имею на этот счет очень определенное убеждение, уверяю вас, - ответил я, а она закрылась от меня газетой, как бы не желая слушать. - По моему, медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки, при существующих условиях, служат только порабощению.

The masses are caught in a vast chain: you do not cut it but only add new links to it. That is my opinion."

Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья - вот вам мое убеждение.

She looked at me and smiled mockingly, and I went on, striving to catch the thread of my ideas.

Она подняла на меня глаза и насмешливо улыбнулась, а я продолжал, стараясь уловить свою главную мысль:

"It does not matter that Anna should die

- Не то важно, что Анна умерла от ро-

in childbirth, but it does matter that all these Annas, Mavras, Pelagueyas, from dawn to sunset should be grinding away, ill from overwork, all their lives worried about their starving sickly children; all their lives they are afraid of death and disease, and have to be looking after themselves; they fade in youth, grow old very early, and die in filth and dirt; their children as they grow up go the same way and hundreds of years slip by and millions of people live worse than animals--in constant dread of never having a crust to eat; but the horror of their position is that they have no time to think of their souls, no time

дов, а то, что все эти Анны, Мавры, Пелагеи с раннего утра до потемок гнут спины, болят от непосильного труда, всю жизнь дрожат за голодных и больных детей, всю жизнь боятся смерти и болезней, всю жизнь лечатся, рано блекнут, рано старятся и умирают в грязи и в вони; их дети, подрастая, начинают ту же музыку, и так проходят сотни лет, и миллиарды людей живут хуже животных - только ради куска хлеба, испытывая постоянный страх. Весь ужас их положения в том, что им некогда о душе подумать, некогда вспомнить о своем образе и подобии; голод, холод, животный страх,

to remember that they are made in the likeness of God; hunger, cold, animal fear, incessant work, like drifts of snow block all the ways to spiritual activity, to the very thing that distinguishes man from the animals, and is the only thing indeed that makes life worth living.

масса труда, точно снеговые обвалы, загрохотали им все пути к духовной деятельности, именно к тому самому, что отличает человека от животного и составляет единственное, ради чего стоит жить.

You come to their assistance with hospitals and schools, but you do not free them from their fetters; on the contrary, you enslave them even more, since by introducing new prejudices into their lives, you increase the number of their demands, not to mention the fact that they have to pay the Zemstvo for their drugs and pamphlets, and therefore, have to work harder than ever."

Вы приходите к ним на помощь с больницами и школами, но этим не освобождаете их от пут, а, напротив, еще больше поработаете, так как, внося в их жизнь новые предрассудки, вы увеличиваете число их потребностей, не говоря уже о том, что за мушки и за книжки они должны платить земству и, значит, сильнее гнуть спину.

"I will not argue with you," said Lyda. "I have heard all that." She put down her paper.

- Я спорить с вами не стану, - сказала Лида, опуская газету. - Я уже это слышала.

"I will only tell you one thing, it is no good sitting with folded hands.

Скажу вам только одно: нельзя сидеть сложа руки.

It is true, we do not save mankind, and perhaps we do make mistakes, but we do what we can and we are right.

Правда, мы не спасаем человечества и, быть может, во многом ошибаемся, но мы делаем то, что можем, и мы - правы.

The highest and most sacred truth for an educated being--is to help his neighbours, and we do what we can to help.

Самая высокая и святая задача культурного человека - это служить ближним, и мы пытаемся служить, как умеем.

You do not like it, but it is impossible to please everybody."

Вам не нравится, но ведь на всех не угодишь.

"True, Lyda, true," said her mother.

- Правда, Лида, правда, - сказала мать.

In Lyda's presence her courage always failed her, and as she talked she would look timidly at her, for she was afraid of saying something foolish or out of place: and she never contradicted, but would always agree: "True, Lyda, true."

В присутствии Лиды она всегда робела и, разговаривая, тревожно поглядывала на нее, боясь сказать что-нибудь лишнее или неуместное; и никогда она не противоречила ей, а всегда соглашалась: правда, Лида, правда.

"Teaching peasants to read and write, giving them little moral pamphlets and medical assistance, cannot decrease either ignorance or mortality, just as the light from your windows cannot illuminate this huge garden," I said. "You give nothing by your interference in the lives of these people. You only create new demands, and a new

- Мужичья грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада, - сказал я. - Вы не даете ничего, вы своим вмешательством в жизнь этих людей создаете лишь но-

compulsion to work."

вые потребности, но-
вый повод к труду.

"Ah! My God, but we must do something!" said Lyda exasperatedly, and I could tell by her voice that she thought my opinions negligible and despised me.

- Ах, боже мой, но ведь нужно же делать что-нибудь! - сказала Лида с досадой, и по ее тону было заметно, что мои рассуждения она считает ничтожными и презирает их.

"It is necessary," I said, "to free people from hard physical work. It is necessary to relieve them of their yoke, to give them breathing space, to save them from spending their whole lives in the kitchen or the byre, in the fields; they should have time to take thought of their souls, of God and to develop their spiritual capacities.

- Нужно освободить людей от тяжелого физического труда, - сказал я. - Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности.

Every human being's salvation lies in spiritual activity--in his continual search for truth and the meaning of life.

Призвание всякого человека в духовной деятельности - в постоянном искании правды и смысла жизни.

Give them some relief from rough, animal labour, let them feel free, then you will see how ridiculous at bottom your pamphlets and pharmacies are.

Сделайте же для них ненужным грубый животный труд, дайте им почувствовать себя на свободе и тогда увидите, какая в сущности насмешка эти книжки и аптечки.

Once a human being is aware of his vocation, then he can only be satisfied with religion, service, art, and not with trifles like that."

Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, науки, искусства, а не эти пустяки.

"Free them from work?" Lyda gave a smile. "Is that possible?"

- Освободить от труда! - усмехнулась Лида. - Разве это возможно?

"Yes....

-Да.

Take upon yourself a part of their work.

Возьмите на себя долю их труда.

If we all, in town and country, without exception, agreed to share the work which is being spent by mankind in the satisfaction of physical demands, then none of us would have to work more than two or three hours a day.

Если бы все мы, городские и деревенские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более двух-трех часов в день.

If all of us, rich and poor, worked three hours a day the rest of our time would be free.

Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только три часа в день, а остальное время у нас свободно.

And then to be still less dependent on our bodies, we should invent machines to do the work and we should try to reduce our demands to the minimum.

Представьте еще, что мы, чтобы еще менее зависеть от своего тела и менее трудиться, изобретаем машины, заменяющие труд, мы стараемся сократить число наших потребностей до минимума.

We should toughen ourselves and our children should not be afraid of hunger and cold, and we should not be anxious about their health, as Anna, Maria, Pelagueya were anxious.

Мы закаляем себя, наших детей, чтобы они ни боялись голода, холода и мы не дрожали бы постоянно за их здоровье, как дрожат Анна, Мавра и Пелагея.

Then supposing we did not bother about doctors and pharmacies, and did away with tobacco factories and distilleries--what a lot of free time we should have!

Представьте, что мы не лечимся, не держим аптек, табачных фабрик, винокуренных заводов, - сколько свободного времени у нас останется в конце концов!

We should give our leisure to service and the arts.

Все мы сообща отдаем этот досуг наукам и искусствам.

Just as peasants all work together to repair the roads, so the whole community would work together to seek truth and the meaning of life, and, I am sure of it--truth would be found very soon, man would get rid of his continual, poignant, depressing fear of death and even of death itself."

Как иногда мужики миром починяют дорогу, так и все мы сообща, миром, иска-ли бы правды и смысла жизни, и - я уверен в этом - правда была бы открыта очень скоро, человек избавился бы от этого постоянного мучительного, угнетающего страха смерти, и даже от самой смерти.

"But you contradict yourself," said Lyda. "You talk about service and deny education."

- Вы, однако, себе противоречите, - сказала Лида. - Вы говорите - наука, наука, а сами отрицаете грамотность.

"I deny the education of a man who can only use it to read the signs on the public houses and possibly a pamphlet which he is incapable of understanding--the kind of education we have had from the time of Riurik: and village life has remained exactly as it was then.

- Грамотность, когда человек имеет возможность читать только вывески на кабаках да изредка книжки, которых не понимает, - такая грамотность держится у нас со времен Рюрика, гоголевский Петрушка давно уже читает, между тем деревня, какая была при Рюрике, такая и осталась до сих пор.

Not education is wanted but freedom for the full development of spiritual capacities.

Не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей.

Not schools are wanted but universities."

Нужны не школы, а университеты.

"You deny medicine too."

- Вы и медицину отрицаете.

"Yes.

-Да.

It should only be used for the investigation of diseases, as natural phenomenon, not for their cure.	Она была бы нужна только для изучения болезней как явления природы, а не для лечения их.
It is no good curing diseases if you don't cure their causes.	Если уж лечить, то не болезни, а причины их.
Remove the chief cause-physical labour, and there will be no diseases.	Устраните главную причину - физический труд - а тогда не будет болезней.

I don't acknowledge the science which cures," I went on excitedly. "Science and art, when they are true, are directed not to temporary or private purposes, but to the eternal and the general--they seek the truth and the meaning of life, they seek God, the soul, and when they are harnessed to passing needs and activities, like pharmacies and libraries, then they only complicate and encumber life.

We have any number of doctors, pharmacists, lawyers, and highly educated people, but we have no biologists, mathematicians, philosophers, poets.

Не признаю я науки, которая лечит, - продолжал я возбужденно. - Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, - они ищут правды и смысла жизни, ищут бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь.

У нас много медиков, фармацевтов, юристов, стало много грамотных, но совсем нет биологов, математиков, философов, поэтов.

All our intellectual and spiritual energy is wasted on temporary passing needs....

Scientists, writers, painters work and work, and thanks to them the comforts of life grow greater every day, the demands of the body multiply, but we are still a long way from the truth and man still remains the most rapacious and unseemly of animals, and everything tends to make the majority of mankind degenerate and more and more lacking in vitality.

Весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, переходящих нужд... У ученых, писателей и художников кипит работа, по их милости удобства жизни растут с каждым днем, потребности тела множатся, между тем до правды еще далеко, и человек по-прежнему остается самым хищным и самым нечистоплотным животным, и всё клонится к тому, чтобы человечество в своем большинстве выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность.

Under such conditions the life of an artist has no meaning and the more talented he is, the more strange and incomprehensible his position is, since it only amounts to his working for the amusement of the predatory, disgusting animal, man, and supporting the existing state of things.

При таких условиях жизнь художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль, так как на поверку выходит, что работает он для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок.

And I don't want to work and will not... Nothing is wanted, so let the world go to hell."

И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится в тартарары!

"Missyuss, go away," said Lyda to her sister, evidently thinking my words dangerous to so young a girl.

- Мисюська, вийди, - сказала Лида сестре, очевидно находя мои слова вредными для такой молодой девушки.

Genya looked sadly at her sister and mother and went out.

Женя грустно посмотрела на сестру и на мать и вышла.

"People generally talk like that," said Lyda, "when they want to excuse their indifference. It is easier to deny hospitals and schools than to come and teach."

- Подобные милые вещи говорят обыкновенно, когда хотят оправдать свое равнодушие, - сказала Лида. - Отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить.

"True, Lyda, true," her mother agreed.

- Правда, Лида, правда, - согласилась мать.

"You say you will not work," Lyda went on. "Apparently you set a high price on your work, but do stop arguing."

- Вы угрожаете, что не станете работать, - продолжала Лида. - Очевидно, вы высоко цените ваши работы.

We shall never agree, since I value the most imperfect library or pharmacy, of which you spoke so scornfully just now, more than all the landscapes in the world." And at once she turned to her mother and began to talk in quite a different tone: "The Prince has got very thin, and is much changed since the last time he was here.

The doctors are sending him to Vichy."

She talked to her mother about the Prince to avoid talking to me.

Перестанем же спорить, мы никогда не споемся, так как самую несовершенную из всех библиотечек и аптек, о которых вы только что отзывались так презрительно, я ставлю выше всех пейзажей в свете. - И тотчас же, обратясь к матери, она заговорила совсем другим тоном: -Князь очень похудел и сильно изменился с тех пор, как был у нас.

Его посылают в Вичи.

Она рассказывала матери про князя, чтобы не говорить со мной.

Her face was burning, and, in order to conceal her agitation, she bent over the table as if she were short-sighted and made a show of reading the newspaper.

Лицо у нее горело, и, чтобы скрыть свое волнение, она низко, точно близорукая, нагнулась к столу и делала вид, что читает газету.

My presence was distasteful to her.

Мое присутствие было неприятно.

I took my leave and went home.

Я простился и пошел домой.

IV

IV

All was quiet outside: the village on the other side of the pond was already asleep, not a single light was to be seen, and on the pond there was only the faint reflection of the stars.

На дворе было тихо; деревня по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька, и только на пруде едва светились бледные отражения звезд.

By the gate with the stone lions stood Genya, waiting to accompany me.

У ворот со львами стояла Женя неподвижно, поджидая меня, чтобы проводить.

"The village is asleep," I said, trying to see her face in the darkness, and I could see her dark sad eyes fixed on me. "The innkeeper and the horse-stealers are sleeping quietly, and decent people like ourselves quarrel and irritate each other."

It was a melancholy August night--melancholy because it already smelled of the autumn: the moon rose behind a purple cloud and hardly lighted the road and the dark fields of winter corn on either side.

- В деревне все спят, - сказал я ей, стараясь разглядеть в темноте ее лицо, и увидел устремленные на меня темные, печальные глаза. -И кабатчик и конокрады покойно спят, а мы, порядочные люди, раздражаем друг друга и спорим.

Была грустная августовская ночь, - грустная, потому, что уже пахло осенью; покрытая багровым облаком, восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные озимые поля.

Stars fell frequently, Genya walked beside me on the road and tried not to look at the sky, to avoid seeing the falling stars, which somehow frightened her.	Часто падали звезды. Женя шла со мной рядом по дороге и старалась не глядеть на небо, чтобы не видеть падающих звезд, которые почему-то пугали ее.
"I believe you are right," she said, trembling in the evening chill. "If people could give themselves to spiritual activity, they would soon burst everything."	- Мне кажется, вы правы, - сказала она, дрожа от ночной сырости. - Если бы люди, все сообща, могли отдаться духовной деятельности, то они скоро узнали бы всё.
"Certainly.	- Конечно.
We are superior beings, and if we really knew all the power of the human genius and lived only for higher purposes then we should become like gods.	Мы высшие существа, и если бы в самом деле мы признали всю силу человеческого гения и жили бы только для высших целей, то в конце концов мы стали бы как боги.

But this will never be.
Mankind will degenerate and of their genius not a trace will be left."

Но этого никогда не будет - человечество выродится и от гения не останется и следа.

When the gate was out of sight Genya stopped and hurriedly shook my hand.

Когда не стало видно ворот, Женя остановилась и торопливо пожалала мне руку.

"Good night," she said, trembling; her shoulders were covered only with a thin blouse and she was shivering with cold. "Come tomorrow."

- Спокойной ночи, - проговорила она, дрожа; плечи ее были покрыты только одною рубашечкой, и она сжалась от холода. - Приходите завтра.

I was filled with a sudden dread of being left alone with my inevitable dissatisfaction with myself and people, and I, too, tried not to see the falling stars.

Мне стало жутко от мысли, что я останусь один, раздраженный, недовольный собой и людьми; и я сам уже старался не глядеть на падающие звезды.

"Stay with me a little longer," I said.
"Please."

- Побудьте со мной еще минуту, - сказал я. - Прошу вас.

I loved Genya, and she must have loved me, because she used to meet me and walk with me, and because she looked at me with tender admiration.	Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением.
How thrillingly beautiful her pale face was, her thin nose, her arms, her slenderness, her idleness, her constant reading.	Как трогательно прекрасны были ее бледное лицо, тонкая шея, тонкие руки, ее слабость, праздность, ее книги.
And her mind?	А ум?
I suspected her of having an unusual intellect: I was fascinated by the breadth of her views, perhaps because she thought differently from the strong, handsome Lyda, who did not love me.	Я подозревал у нее недюжинный ум, меня восхищала широта ее воззрений, быть может, потому что она мыслила иначе, чем строгая, красивая Лида, которая не любила меня.

Genya liked me as a painter, I had conquered her heart by my talent, and I longed passionately to paint only for her, and I dreamed of her as my little queen, who would one day possess with me the trees, the fields, the river, the dawn, all Nature, wonderful and fascinating, with whom, as with them, I have felt helpless and useless.

"Stay with me a moment longer," I called. "I implore you."

Я нравился Жене как художник, я победил ее сердце своим талантом, и мне страстно хотелось писать только для нее, и я мечтал о ней, как о своей маленькой королеве, которая вместе со мною будет владеть этими деревьями, полями, туманом, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я до сих пор чувствовал себя безнадежно одиноким и ненужным.

- Оставайтесь еще минуту, - попросил я. - Умоляю вас.

I took off my overcoat and covered her childish shoulders. Fearing that she would look queer and ugly in a man's coat, she began to laugh and threw it off, and as she did so, I embraced her and began to cover her face, her shoulders, her arms with kisses.

Я снял с себя пальто и прикрыл ее озябшие плечи; она, боясь показаться в мужском пальто смешной и некрасивой, засмеялась и сбросила его, и в это время я обнял ее и стал осыпать поцелуями ее лицо, плечи, руки.

"Till to-morrow," she whispered timidly as though she was afraid to break the stillness of the night. She embraced me: "We have no secrets from one another. I must tell mamma and my sister.... Is it so terrible?"

- До завтра! - прошептала она и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня. - Мы не имеем тайн друг от друга, я должна сейчас рассказать всё маме и сестре... Это так страшно!

Mamma will be pleased. Mamma loves you, but Lyda!"

Мама ничего, мама любит вас, но Лида!

She ran to the gates.

Она побежала к воротам.

"Good-bye," she called out.	- Прощайте! - крикнула она.
For a couple of minutes I stood and heard her running.	И потом минуты две я слышал, как она бежала.
I had no desire to go home, there was nothing there to go for.	Мне не хотелось домой, да и незачем было идти туда.
I stood for a while lost in thought, and then quietly dragged myself back, to have one more look at the house in which she lived, the dear, simple, old house, which seemed to look at me with the windows of the mezzanine for eyes, and to understand everything.	Я постоял немного в раздумье и тихо пополз назад, чтобы еще взглянуть на дом, в котором она жила, милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал всё.

I walked past the terrace, sat down on a bench by the lawn-tennis court, in the darkness under an old elm-tree, and looked at the house.

Я прошел мимо террасы, сел на скамье около площадки для lawn-tennis, в темноте под старым вязом, и отсюда смотрел на дом.

In the windows of the mezzanine, where Missyuss had her room, shone a bright light, and then a faint green glow. The lamp had been covered with a shade.

В окнах мезонина, в котором жила Миссюсь, блеснул яркий свет, потом покойный зеленый -это лампу накрыли абажуром.

Shadows began to move.... I was filled with tenderness and a calm satisfaction, to think that I could let myself be carried away and fall in love, and at the same time I felt uneasy at the thought that only a few yards away in one of the rooms of the house lay Lyda who did not love me, and perhaps hated me.

Задвигались тени... Я был полон нежности, тишины и довольства собою, довольства, что сумел увлечься и полюбить, и в то же время я чувствовал неудобство от мысли, что в это же самое время, в нескольких шагах от меня, в одной из комнат этого дома живет Лида, которая не любит, быть может, ненавидит меня.

I sat and waited to see if Genya would come out. I listened attentively and it seemed to me they were sitting in the mezzanine.

Я сидел и всё ждал, не выйдет ли Женя, прислушивался, и мне казалось, будто в мезонине говорят.

An hour passed.

Прошло около часа.

The green light went out, and the shadows were no longer visible.

Зеленый огонь погас, и не стало видно теней.

The moon hung high above the house and lit the sleeping garden and the avenues: I could distinctly see the dahlias and roses in the flower-bed in front of the house, and all seemed to be of one colour.

Луна уже стояла высоко над домом и освещала спящий сад, дорожки; георгины и розы в цветнике перед домом были отчетливо видны и казались все одного цвета.

It was very cold.

Становилось очень холодно.

I left the garden, picked up my overcoat in the road, and walked slowly home.

Я вышел из сада, подобрал на дороге свое пальто и не спеша побрел домой.

Next day after dinner when I went to the Volchaninovs', the glass door was wide open.

Когда на другой день после обеда я пришел к Волчаниновым, стеклянная дверь в сад была открыта настежь.

I sat down on the terrace expecting Genya to come from behind the flower-bed or from one of the avenues, or to hear her voice come from out of the rooms; then I went into the drawing-room and the dining-room.

Я посидел на террасе, поджидая, что вот-вот за цветником на площадке или на одной из аллей покажется Женя или донесется ее голос из комнат; потом я прошел в гостиную, в столовую.

There was not a soul to be seen.

Не было ни души.

From the dining-room I went down a long passage into the hall, and then back again.

Из столовой я прошел длинным коридором в переднюю, потом назад.

There were several doors in the passage and behind one of them I could hear Lyda's voice:

Тут в коридоре было несколько дверей, и за одной из них раздавался голос Лиды.

"To the crow somewhere ... God ..." -- she spoke slowly and distinctly, and was probably dictating--" ... God sent a piece of cheese.... To the crow ... somewhere.... Who is there?" she called out suddenly as she heard my footsteps.

-Вороне где-то... бог... - говорила она громко и протяжно, вероятно, диктуя. - Бог послал кусочек сыру... Вороне... где-то... Кто там? - окликнула она вдруг, услышав мои шаги.

"It is I."

- Это я.

"Oh! excuse me. I can't come out just now. I am teaching Dasha."

- А! Простите, я не могу сейчас выйти к вам, я занимаюсь с Дашей.

"Is Ekaterina Pavlovna in the garden?"

- Екатерина Павловна в саду?

"No. She and my sister left to-day for my Aunt's in Penza, and in the winter they are probably going abroad." She added after a short silence: "To the crow somewhere God sent a

- Нет, она с сестрой уехала сегодня утром к тете, в Пензенскую губернию. А зимой, вероятно, они поедут за границу... - добавила она, помолчав. -Вороне где-то... бо-ог послал ку-усо-

pi-ece of cheese. Have you got that?"

чек сыру... Написала-?

I went out into the hall, and, without a thought in my head, stood and looked out at the pond and the village, and still I heard:

Я вышел в переднюю и, ни о чем не думая, стоял и смотрел оттуда на пруд и на деревню, а до меня доносилось:

"A piece of cheese.... To the crow somewhere God sent a piece of cheese."

-Кусочек сыру... Вороне где-то бог послал кусочек сыру...

And I left the house by the way I had come the first time, only reversing the order, from the yard into the garden, past the house, then along the lime-walk. Here a boy overtook me and handed me a note:

И я ушел из усадьбы тою же дорогой, какой пришел сюда в первый раз, только в обратном порядке: сначала со двора в сад, мимо дома, потом по липовой аллее... Тут догнал меня мальчишка и подал записку.

"I have told my sister everything and she insists on my parting from you," I read. "I could not hurt her by disobeying.

"Я рассказала всё сестре, и она требует, чтобы я рассталась с вами, - прочел я. - Я была бы не в силах огорчить ее своим неповиновением.

God will give you happiness.

Бог даст вам счастья, простите меня.

If you knew how bitterly mamma and I have cried."

Если бы вы знали, как я и мама горько плачем!"

Then through the fir avenue and the rotten fence. ...Over the fields where the corn was ripening and the quails screamed, cows and shackled horses now were browsing.

Потом темная еловая аллея, обвалившаяся изгородь... На том поле, где тогда цвела рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанные лошади.

Here and there on the hills the winter corn was already showing green.

Кое-где на холмах ярко зеленела озимь.

A sober, workaday mood possessed me and I was ashamed of all I had said at the Volchaninovs', and once more it became tedious to go on living.	Трезвое, будничное настроение овладело мной, и мне стало стыдно всего, что я говорил у Волчаниновых, и по-прежнему стало скучно жить.
I went home, packed my things, and left that evening for Petersburg. ** *	Придя домой, я уложился и вечером уехал в Петербург.
I never saw the Volchaninovs again.	Больше я уже не видел Волчаниновых.
Lately on my way to the Crimea I met Bielokurov at a station.	Как-то недавно, едуци в Крым, я встретил в вагоне Белокурова.
As of old he was in a poddiotka, wearing an embroidered shirt, and when I asked after his health, he replied:	Он по-прежнему был в поддевке и в вышитой сорочке и, когда я спросил его о здоровье, ответил:
"Quite well, thanks be to God."	"Вашиими молитвами".
He began to talk.	Мы разговорились.

He had sold his estate and bought another, smaller one in the name of Lyabov Ivanovna.

Имение свое он продал и купил другое, поменьше, на имя Любви Ивановны.

He told me a little about the Volchaninovs.

Про Волчаниновых сообщил он немного.

Lyda, he said, still lived at Sholkovka and taught the children in the school; little by little she succeeded in gathering round herself a circle of sympathetic people, who formed a strong party, and at the last Zemstvo election they drove out Balaguin, who up till then had had the whole district in his hands.

Лида, по его словам, жила по-прежнему в Шелковке и учила в школе детей; мало-помалу ей удалось собрать около себя кружок симпатичных ей людей, которые составили из себя сильную партию и на последних земских выборах "прокатали" Балагина, державшего до того времени в своих руках весь уезд.

Of Genya Bielokurov said that she did not live at home and he did not know where she was.

Про Женю же Белокуров сообщил только, что она не жила дома и была неизвестно где.

I have already begun to forget about the house with the mezzanine, and only now and then, when I am working or reading, suddenly—without rhyme or reason—I remember the green light in the window, and the sound of my own footsteps as I walked through the fields that night, when I was in love, rubbing my hands to keep them warm.

Я уже начинаю забывать про дом с мезонином, и лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того, ни с сего припомнится мне то зеленый огонь в окне, то звук моих шагов, раздававшихся в поле ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потирал руки от холода.

And even more rarely,
when I am sad and
lonely, I begin already
to recollect and it
seems to me that I, too,
am being remembered
and waited for, and
that we shall meet....

А еще реже, в мину-
ты, когда меня то-
мит одиночество и
мне грустно, я вспо-
минаю смутно, и ма-
ло-помалу мне поче-
му-то начинает ка-
заться, что обо мне
тоже вспоминают,
меня ждут и что мы
встретимся...

Missyuss, where are
you?

Мисюсь, где ты?